

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ**

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

**ПО УЧАСТИЮ В ФОРМИРОВАНИИ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ
ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИИ**

Москва 2010 г.

Аннотация

В настоящих рекомендациях рассмотрены вопросы формирования антитеррористической идеологии на основе использования религиозных ценностей, заложенных в традиционных российских конфессиях. В первую очередь тех, которые могут быть использованы против идеологии терроризма и иных форм экстремизма.

В рекомендациях показана необходимость, специфика и сложность формирования антитеррористической идеологии в современном российском обществе. Отмечается, что в условиях отсутствия объединяющих общество общенациональных идей, особое значение приобретает грамотное использование конструктивных потенциалов, содержащихся в традиционных российских конфессиях, их религиозных организаций и лидеров.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5-8
I. РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЯН: И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЛИДЕРОВ	9-18
II. ОПЫТ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	18-25
III. РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ И РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ	26-30
IV. МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ ПО СОЗДАНИЮ АТМОСФЕРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ	30-35
V. СВЕТСКость И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СМИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ	35-38
VI. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК	38-45
ВЫВОДЫ	45-48

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в российском многонациональном и поликонфессиональном обществе существуют проблемы, которые связаны с трудными и неоднозначными процессами в экономике, социально-политической и духовной сфере. Они являются благоприятной средой для проявления экстремистских идеологий и такой крайней её формы как терроризм .

В этой ситуации, при большом объеме дезинтегрирующих и деструктивных тенденций, а также при отсутствии объединяющих общество общенациональных идей особое значение приобретает грамотное использование конструктивных потенциалов традиционных российских конфессий, их религиозных организаций и лидеров.

Религиозные организации осознают свою роль и публично осуждают террористические акты и сам терроризм как стратегию устрашения властей и населения, жертвами которой становятся невинные граждане.

Исходя из этого следует иметь в виду, что проблема использования религиозного фактора в политической и идеологических сферах современного российского общества имеет важное значение для выработки не только антитеррористической, но и антиэкстремистской идеологии и может быть рассмотрена по нескольким направлениям.

Во-первых, следует констатировать такую качественную оценку ситуации, когда будущее Российской Федерации, социально-экономическая и политическая стабильность страны напрямую зависит от того, как будут складываться социально-политические, межэтнические и межрелигиозные отношения, насколько удастся сформировать атмосферу взаимопонимания и миролюбия в российском обществе, которая препятствует распространению

экстремистских взглядов и практик, крайними проявлениями которых является терроризм.

Во-вторых, в настоящее время в российском обществе отмечается усиление связи между религией и политикой, между религиозностью и светскостью, носящее динамичный характер, что проявляется в различных аспектах, в том числе во взаимоотношениях государства с различными религиозными организациями и что необходимо учитывать при выработке антитеррористической идеологии, инкорпорируя в нее религиозную составляющую. В настоящее время считается, что принадлежность к определенной конфессии или религиозному течению для большинства населения является скорее соотнесением себя с определенной культурной традицией, чем с Верой как таковой. Такая ситуация определяет как формы деятельности религиозных организаций с целью достижения положительного эффекта так, и эффективность религиозной составляющей в антитеррористической идеологии.

В-третьих, следует учитывать, что религиозный фактор выступает чаще всего не самостоятельно, а в качестве идеологической и организационной поддержки при реализации вполне конкретных интересов различных сил и субъектов политического действия.

В-четвертых, происходящая в последние годы диверсификация политических субъектов привела к тому, что государство стало чаще сталкиваться с вызовами различных религиозных организаций. С теми, чья деятельность служит стабилизации российского социально-политического пространства, выстраиваются формы сотрудничества и социального партнерства. Однако, все очевиднее усиление негативного потенциала ряда религиозных организаций и течений деструктивного характера, угрожающих духовной безопасности российского общества, размыванию традиционной ценностной структуры. Этому свидетельствуют не только участвовавшие факты проявления религиозного экстремизма, но и рост экономических

преступлений, финансовых махинаций и коррупции, связанных с деятельностью подобных субъектов.

В-пятых, для внесения эффективного вклада в создание атмосферы толерантности и миролюбия и неприятия террористических идей и стратегий, следует исходить из понимания специфики российской цивилизации как поликонфессиональной, обладающей вековыми историческими традициями совместного мирного сосуществования различных религий и этносов. Именно основываясь на подобной методологической посылке признания вклада всех традиционных религий в духовно-смысловое и ценностно-культурное основание российского общества возможно включение религиозной составляющей в создаваемую антитеррористическую идеологию.

Следует особо подчеркнуть, что именно объективные данные о реальном воздействии социально-экономических и политических, национальных и религиозных факторов на практики экстремизма и терроризма являются важной предпосылкой выработки антитеррористической идеологии и внедрения ее в различные группы общества, среди которых одной из приоритетных выступает молодежь. В этой связи становится актуальным решение ряда вопросов как методологического, так и практического характера. Здесь следует отметить следующее. Во-первых, важно обеспечить методологически правильный подход к исследуемым явлениям и, соответственно, к используемым понятиям и методам, их осмысление должно быть свободно от иллюзий, односторонних преувеличенных ожиданий; необходимо учитывать области и границы их использования, а также ориентировать на раскрытие и устранение условий и побудительных причин, вызывающих явления экстремизма, на принятие профилактических мер по их предупреждению. Иначе можно сосредоточиться на борьбе только со следствиями данных явлений, игнорируя их социальные

условия и причины, что не приведет к действительности антитеррористических идеологических установок.

Во-вторых, нужны конкретные исследования, призванные содержательно раскрыть многие вопросы, связанные с активизацией религиозного фактора в условиях трансформации привычного образа и уровня жизни, социального статуса, ценностных ориентаций, того, что в них подталкивает к экстремистским действиям. Нужно определить действие, каких сил увеличивает социальную напряженность в обществе и как им противодействовать; как действует гуманистический потенциал традиционных для России религий на формирование толерантных установок у различных социальных и этнических групп населения.

Для формирования антитеррористической идеологии и ограничения социальной базы экстремизма необходима организация солидарных действий большинства россиян, хотя бы по жизненно важным для социума вопросам. Насколько религия может выступить в данной ситуации консолидирующим фактором зависит от того, насколько и в каких проекциях она соответствует установкам массового сознания в России, надеждам и чаяниям людей. От четкого представления в каких формах воспринимается религия, насколько вообще религиозно российское общество, где границы взаимопроникновения религиозного и светского, и, следовательно, формы и сферы конкретной деятельности российских институционализированных конфессий, зависят и возможные подходы к формированию антитеррористической идеологии и принятия ее в российском общественном сознании.

Учитывая, что идеология религиозного экстремизма является основой идеологии религиозного терроризма и направлена на достижение религиозного превосходства над иноверцами либо на создание теократического режима в государстве и то, что религиозный терроризм является крайней формой проявления религиозной экстремистской деятельности, необходимо разработку и реализацию АТИ в сфере

противодействия религиозному терроризму проводить на имеющемся опыте политики противодействия религиозно-экстремистской идеологии.

I. РЕЛИГИОЗНОСТЬ РОССИЯН: И РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ЛИДЕРОВ

В успехе создания антитеррористической идеологии особая роль принадлежит изучению и учету степени и характера воздействия религиозного самоопределения на формирование нравственных, социальных, политических, этнических, культурных, международных и иных предпочтений и ориентации.

Очевидно, что в данном случае построения определенных парадигм должны, в первую очередь, опираться на знание особенностей ментальности последователей *различных религий*, существующих в современной России, а также на понимание уровня религиозности российского общества, нового прочтения конфессионального фактора, соотношения религиозного и секулярного начал.

Проблема взаимодействия приверженцев различных конфессий в вопросах противодействия экстремистской идеологии, в условиях, когда религия представляется едва ли не самым важным фактором идентификации индивида и социальных групп, предполагает необходимость постепенного распространения не только принципов, но и атмосферы толерантности в российском обществе. Однако вопрос о наполняемости данной идеологии должен решаться исходя из реальной ситуации религиозности российского общества. В современной жизни россиян религию следует рассматривать в двух проекциях. Во-первых, это личностный, персональный религиозный опыт, определяемый во многом структурой религиозного сознания. Во-вторых, религия выступает в качестве основания для культурно-цивилизационной идентификации, в качестве культурной традиции, не совпадающей с набором догматических постулатов того ли иного религиозного течения.

Тенденции в первой области далеко неоднозначны¹. С одной стороны, можно зафиксировать рост религиозности за последние 9 лет – 58% респондентов заявляют о своей вере в Бога. Это на 23% больше, чем в 2000 г., что свидетельствует о повышении значимости веры в повседневной жизни, о тяге к религии прежде равнодушных к ней людей. Подобная тенденция может служить также подтверждением эффективности работы религиозных организаций, успешности их деятельности, подкрепленной делами в самых разных сферах: и в собственно религиозной, и в области образования, культуры, милосердно-благотворительной, хозяйственно-предпринимательской.

При этом можно констатировать, что структуру религиозного сознания россиян характеризуют противоречивость, неясность, размытость. В нем одновременно и в симбиозе присутствуют взаимоисключающие духовные элементы; вопрос об особенностях мировоззренческих ориентаций россиян, о характере, глубине их религиозности по-прежнему остается открытым. Так, 19% россиян верят в приметы, 13% – в некую сверхъестественную силу, а не в личного Бога, 7% – в загробную жизнь, 5% – в колдовство и магию и 5% – в НЛО.

Таблица 1
Во что сегодня верят россияне, %*

«Верите ли Вы?»	Февраль 2000 г.	Февраль 2009 г.
В Бога	47	58
В черта	3	2
В приметы	22	19
В некую сверхъестественную силу	16	13
В НЛО	7	5
В загробную жизнь	9	7
В колдовство, магию	9	5

В переселение душ	5	2
В судьбу	51	33
В прогресс	16	11
В самого себя	52	57

*Допускалось несколько вариантов ответов.

Особенностью современной ситуации является феномен «веры без религии» – достаточно большая группа респондентов (13%) заявляют о своей вере в некую высшую силу и при этом не являются сторонниками определенного религиозного течения. Следует отметить, что в данной группе наибольший процент молодежи; а также людей, обладающих высшим образованием. Это показывает, что духовные потребности наиболее пассионарной части российского общества не удовлетворены рамками, предлагаемыми институционализированными российскими конфессиями.

При этом следует ясно представлять, что российское общество скорее светское. Около половины россиян, 47,2%, в целом не религиозны, а религиозными себя считают менее трети россиян – 29,3%, среди них 26,1% склоняются к такому мнению и лишь 3,2%, по собственным оценкам, глубоко религиозны.

Следует отметить несовпадение общего числа верующих в Бога (58%) с общим количеством приверженцев конкретных конфессий (75%). Следовательно, значительная часть россиян, относящих себя к какой-либо конфессии, скорее обозначают свою принадлежность к той или иной культурной традиции, нежели связывают это с вопросом веры. Религиозная самоидентификация при этом определяется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотнесения себя с определенной национальной культурой, образом жизни, в значительной мере сформировавшимся под воздействием данной религии.

Около четвертой части православных и мусульман (25,8% и 24,6% соответственно) считают себя скорее нерелигиозными людьми, а значит,

позиционируя себя как последователей православия или ислама, они скорее обозначают свою принадлежность к той или иной культурной традиции, нежели связывают это с вопросом веры. Таким образом, актуализация религиозной идентичности является показателем не возрастающей религиозности населения и его возврату к Вере, а скорее повышения роли устойчивых культурно-цивилизационных характеристик в жизни индивида и общества. Данная тенденция подтверждается и тем, что в России религия выступает в качестве одного из наиболее значимых критериев социокультурной идентичности. Близость с людьми той же веры всегда или иногда ощущает подавляющее число россиян, даже если они не являются последователями религии или не является практикующими верующими. При этом чаще всего это чувство испытывают мусульмане (61.6%) и глубоко религиозные люди (67,6%). Подобное чувство все время испытывает 50% православных, а среди неверующих – 28.8%². Это демонстрирует, что авторитет и влияние Церкви распространяется и на неверующую часть общества.

Ставя целью, создание антитеррористической идеологии, следует подчеркнуть, что проблема доверия государственным и общественным институтам представляется одним из важнейших факторов, способствующих как структуризации социально-политической жизни, ее стабильности, так и эффективности взаимодействия общества и власти. Чем выше уровень доверия к институтам, тем выше вероятность, что в необходимых случаях к ним будут апеллировать для улучшения ситуации, не стремясь их разрушить. Церковь представляется россиянам одним из наиболее важных социальных и политических институтов, с высокой степенью авторитета и уровнем поддержки.

Наибольшее доверие россияне выказывают верховной власти - Президенту РФ и Правительству РФ – 63% и 54% соответственно, социальный авторитет за церковь признают 51% всех россиян. По степени

поддержки населением церковь как институт стоит на одном уровне с армией (50%), традиционно являющейся в глазах россиян опорой. Примечательно, что среди институтов гражданского общества церковь обладает наибольшим авторитетом; вероятно, она воспринимается не только как традиционный морально-нравственный авторитет или заступник в несчастьях, но и как политический фактор. Увеличение степени доверия до 51% свидетельствует о признании значимости и нужности той деятельности, которую ведут религиозные организации институционализированных российских конфессий, и о том, что церковь вполне способна выступить актором общественных исканий.

Традиционные российские конфессии, обладающие большим социальным и культурным авторитетом, уже имеют сформулированные концептуальные подходы, на основании которых религиозные организации могут формулировать и транслировать идеи, осуществлять свою деятельность, способную создавать противовес террористической идеологии.

Так еще в 2000 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви были приняты «Основы социальной политики Русской Православной Церкви»³; в мае 2001г. Советом муфтиев России представлены «Основные положения социальной программы российских мусульман»⁴; в 2002 г. опубликованы «Основы социальной концепции иудаизма в России»⁵; «Основы социальной концепции Российского объединенного Союза христиан веры евангельской»⁶; в 2003 г. – «Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России»⁷. Аналогичные документы подготовлены или готовятся и другими влиятельными конфессиями. В частности, в декабре 2003 г. состоялась презентация «Социальной позиции протестантских церквей России» и др.

Религиозные организации отчетливо понимают значимость своей роли в миротворческой деятельности, укреплении межконфессионального

согласия в нашем обществе и дружбы между народами, населяющими Россию. Так, в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви отмечается, что Церковь «стремится осуществлять миротворческое служение, как в национальном, так и в международном масштабе, стараясь разрешить различные противоречия и привести к согласию народы, этнические группы...»⁸.

Основные положения социальной программы российских мусульман, подготовленные Советом муфтиев России, в связи с изложенным указывают, что мир и согласие в современной России со стороны мусульманских организаций, в частности, означает:

«признание легитимности законодательства Российской Федерации»;

«сохранение в обществе духовности, высокой морали, веротерпимости, братских отношений между людьми различных национальностей»;

«взаимоуважительный диалог и сотрудничество в социальной сфере с верующими других традиционных российских религий и с представителями светских организаций» и др.⁹

Основы социальной концепции иудаизма в России предусматривают, что «в целях поддержания социальной стабильности и межрелигиозного мира Синагога:

пресекает всякое подстрекательство к религиозному экстремизму, включая вовлечение кого-либо в религиозную деятельность с использованием насилия или угрозы насилия;

принимает все необходимые меры для предупреждения и ликвидации проявлений религиозного экстремизма;

содействует мирному сосуществованию религиозных объединений, снижению социальной напряженности в обществе, поддержанию уважительных отношений между верующими различных конфессий, а также между верующими неверующими»¹⁰ и др.

В свою очередь, социальная позиция большинства протестантских религиозных организаций состоит в том, что «взаимная терпимость, конструктивный диалог и сотрудничество объединяют людей, способствуют совершенствованию нашего общества и благоприятствуют сохранению религиозной свободы».¹¹

Очень важным в создании идейной среды противодействию террористической идеологии, преодолению мощных негативных психологических эффектов после террористических актов, постепенному вытеснению привлекательности террористических идеологий из определенной части массового сознания («смертник - мученик за веру») и проч., являются четкая позиция и постоянные выступления религиозных лидеров, чей авторитет признается большинством населения, проведение совместных конференций и освещение и внедрение в практику их итогов.

Так, по мнению представителей Русской Православной церкви, питательной средой экстремизма, паразитирующего на религиозных и национальных чувствах, является недостаток у широкого круга людей религиозных знаний и духовной практики, выдержанной в духе многовековых вероисповедных традиций. Под видом древних учений эмиссары экстремизма обычно проповедуют новые идеи, придуманные для оправдания насилия по отношению к людям другой веры. В то же время опыт религиозной жизни, опыт добрососедства и сотрудничества, накопленный верующими, остается невостребованным в национальных системах образования, воспитания и массовой информации.

Кроме того, экстремизм, прикрывающийся религиозными или национальными лозунгами, нередко эксплуатирует и такие традиционные ценности, как личная и общественная нравственность, любовь к своему народу. Преступники, декларирующие намерение захватить весь мир, пытаются обратить себе на пользу естественное стремление людей защитить свою веру и культуру перед лицом воинствующей секулярной глобализации.

Экстремистская пропаганда становится привлекательной для некоторых из тех людей, которые не могут смириться с нравственной распущенностью, безрелигиозностью, социальной и экономической несправедливостью, царящими в современном обществе.

Причиной роста экстремизма в XXI веке, по мнению представителей РПЦ, стал духовный и нравственный вакуум, образовавшийся в жизни народов. Для устранения этого вакуума сегодня недостаточно только церковной проповеди. Необходимо, чтобы духовно-нравственное воспитание присутствовало в системе образования и в средствах массовой информации. Ответственность за это лежит на государстве, духовный смысл существования которого – в ограничении зла и поддержке добра (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, III.2). Настало время, когда народы наши должны вернуться к мировоззрению, основанному на твердых нравственных принципах, приобрести необходимые познания в религиозной области, обогатиться опытом диалога религий и культур. Это будет лучшей прививкой, убивающей смертельный вирус экстремизма¹².

Мусульманские лидеры России, принадлежащие к течениям традиционного ислама, также придерживаются мнения, что в условиях активизации международного терроризма, религия сама должна стать главной силой, противодействующей экстремистским идеологиям. Духовные авторитеты, ученые-теологи должны активнейшим образом включиться в антитеррористическую пропаганду, разъяснить и показать миру, что идеологическая и политическая платформы террористов не совместимы с истинной миссией религии, что экстремизм и терроризм – это извращение основ человечности, он в корне не совместим с моральными установками религии.

Российские мусульманские лидеры утверждают: террор и ислам не совместимы. Тем не менее, актуальность исламской контртеррористической пропаганды, разоблачающей исходные идейные послышки радикалов, не

только не уменьшается, но и возрастает с каждым днем. Одним из идейных оснований антитеррористической идеологии могут выступить Идеи «Амманского послания» (Итоговый документ Международной исламской конференции, состоявшейся в июле 2005 г. в Аммане (Иордания)) – «Ведущие улемы исламского мира об обвинении в неверии и единстве мусульман». Одна из главных целей документа – лишить экстремистов возможности утверждать, будто у них есть право на убийство, мотивируя это тем, что мусульмане, не поддерживающие их течение, не являются истинными мусульманами. Кроме того, в итоговом документе конференции подчеркнуто «Обладание знаниями об исламских течениях предполагает необходимость придерживаться фундаментальной методологии богословия. Никто не имеет права выносить решения по религиозным вопросам, не разбираясь в специфике каждого из направлений Ислама. Никому не дозволено заниматься самостоятельной богословской деятельностью в том или ином направлении, не имея соответствующей подготовки, или провозглашать возникновение нового течения, а также издавать фетвы, которые выводили бы мусульман за пределы установленных Шариатом правил и принципов вероучения».

Прошедшая в июле 2008 года в Москве международная конференция «Ислам победит терроризм», на которую собрались мусульманские лидеры мира, также внесла свой вклад в борьбу с риторикой политического экстремизма. Среди наиболее важных положений совместной резолюции зафиксировано, что покушение на жизнь и достоинство человека считается тяжким грехом, и убийцы невинных людей не могут считаться шахидами. Кроме того, признано необходимым осудить «вдохновителей и спонсоров терроризма, использующих ситуацию для осуществления собственных политических и экономических целей»¹³.

Подобные заявления формируют идейное поле, способное противостоять и идеологии, и практике терроризма, в том числе

религиозного.

Таким образом, религия выступает в новых качествах, и религиозные организации институционализированных российских конфессий должны исходить из ожиданий общества, из понимания, что религия как идентификационная характеристика требует большего упора в артикуляции их позиций на основе национальной культуры и традиций, чем на догме вероучения. Вместе с тем, богословские и теологические споры также важны, поскольку не всегда российские священнослужители были способны дать четкий и грамотный ответ в богословских дискуссиях с носителями экстремистской идеологии. Более того, позиции религиозных лидеров, артикуляция их идей во многом сможет сформировать ряд основоположений антитеррористической идеологии, способных вызвать согласие как у верующей, так и неверующей части российского общества.

II. ОПЫТ ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Основным отличием политической практики террористов является отсутствие легитимности. В качестве легитимизации своей деятельности они используют идеологические конструкции, оправдывая свою деятельность религиозной, или национально-исторической, или социально-политической риторикой. В современных условиях идеология терроризма носит наднациональный характер.

Следует отметить, что захваты заложников, использование смертников, проведение силовых акций против мирного населения, представителей власти своих и иностранных государств, превращение культовых сооружений и религиозных учебных заведений в базы незаконных вооруженных формирований являются традиционными для политических акторов религиозно-экстремистской направленности. Однако в политической борьбе радикалы прибегают и к различным формам идеологической борьбы.

Ими создается культ мучеников, погибших во имя веры, предпринимаются различного рода провокации. Субъекты религиозного экстремизма часто проводят свои идеи, легитимирующие политические цели, посредством искаженного толкования священных писаний и книг. Причем данные идеи используются как для радикализации межрелигиозных отношений, так и внутри конфессиональных.

В истории развития российского общества проявления экстремизма в религии в большинстве случаев носили чужеродный характер, были спровоцированы внеположенным фактором. Поэтому, несмотря на имеющиеся факты межконфессиональных противоречий, российскому обществу удалось избежать тяжелых религиозных потрясений и войн, а мирное сосуществование традиционных российских религий в разное время способствовало обеспечению безопасности российского государства.

Рассматривая факты проявления религиозного экстремизма необходимо отметить что, что реальные цели субъектов религиозной экстремистской деятельности, как правило, весьма далеки от публично декларируемых лозунгов «духовного возрождения» и «чистоты веры». В большинстве случаев в их основе лежат вполне земные политические и экономические интересы¹⁴. Различия целей и интересов религиозных лидеров и рядовых исполнителей четко проявляются в политической практике. Религиозные лозунги и соответствующая риторика предназначены для последних.

Известно непреложное правило, что вакуума в духовно-идейном поле быть не может. Отсутствие идейных ориентиров — внятных, основанных на положительных отечественных традициях, интернациональных и гуманистических — повышает возможности распространения идеологии экстремизма и терроризма, в том числе и религиозного. **Принимая во внимание вышесказанное, представляется целесообразным использование в качестве идейно-ценностной доминанты при создании**

антитеррористической идеологии идеи уникальности российской цивилизации как поликонфессиональной, имеющей уникальный опыт сосуществования различных конфессий, основным принципом которого является мирное сотрудничество и толерантность. При этом более общим идентификационным критерием выступает государство и общегражданская идентичность, а единство и общность исторической судьбы - главным наполнением создаваемого идейного дискурса.

Необходимо определить, как религиозная принадлежность россиян соотносится с общегражданской идентичностью и насколько она проявляется в оппозиции «свои»- «чужие», столь громко заявившей о себе в последнее время. Когда люди сами себя идентифицируют с той или иной социальной группой, то для одних важнее всего их национальная принадлежность, для других религиозная, профессиональная, или же идентификация себя с той или иной территорией – регионом, страной, группой стран. Исследование ИС РАН 2007 г. показывает, что для всех представителей институционализированных российских конфессий, так же как и для неверующих, наиболее характерна идентификация по критерию принадлежности к гражданам России. Особенно это типично для православных и неверующих. В этих группах большинство опрошенных (соответственно 61,2% и 59,6%) на вопрос «кто я такой?» отвечают, что гражданин России. В группах католиков, протестантов, мусульман и буддистов такой ответ даёт каждый второй респондент (48,0–48,8%). На своей национальной принадлежности акцентируют внимание более других мусульмане (23,6%), а также буддисты (15,6%). Существенно реже акцент на своей национальности делают католики (6,4%), неверующие (4,8%), протестанты (3,6%) и православные (3,2%). Принадлежность к своей религиозно-мировоззренческой группе протестанты, католики, православные и мусульмане подчёркивают чаще (4,4–8,8%), чем буддисты и неверующие (1,6%).

**Значимость критериев самоидентификации для
представителей различных религиозно-мировоззренческих групп
россиян, в %**

«Как бы Вы ответили сами себе на вопрос "Кто я такой?"»

	Православные	Католики	Протестанты	Мусульмане	Буддисты	Неверующие
Гражданин России	61,2	48,8	48,8	48,4	48,0	59,6
Советский человек	9,2	4,0	4,4	8,4	12,4	17,2
Европеец	2,4	7,2	7,2	2,4	0,4	–
Гражданин мира	3,6	14,4	13,2	4,0	8,4	9,2
Житель своего региона	9,2	7,2	7,2	4,8	11,6	4,0
Представитель своей национальности	3,2	6,4	3,6	23,6	15,6	4,8
Представитель своей религии	6,4	6,0	8,8	4,4	1,6	1,6
Представитель своей профессии	1,2	0,8	0,4	1,6	0,4	1,6
Другое*	2,4	3,6	6,0	2,4	1,6	2,0
Затруднились ответить	1,2	1,6	0,4	–	–	–

*Другое (человек, добившийся того, чего хотел, человек-12, я женщина-4, христианин-3, гражданин царствия Божьего-4, иркутский бурят, пенсионер, написали свою фамилию и имя-4)

Таким образом, общегражданская идентичность является реальным фундаментом для сопряжения интересов различных религиозных групп и, как следствие, возможности использования конструктивного потенциала традиционных российских конфессий. Несмотря на то, что каждая из религий утверждает свой абсолют и отвергает истинность других учений, доктринальные противоречия не всегда имеют своим следствием конфликт. Более того, «религиозный изоляционизм» и конфликт как результат

«столкновения религий» в России находится на самой периферии общественного сознания, что еще раз свидетельствует об уникальном историческом опыте толерантности в России.

Поэтому религиозным организациям через образовательные и воспитательные каналы следует опровергать мифы и стереотипы, существующие в общественном сознании: «мусульманин - следовательно террорист», «русский - значит православный». К подобным мифам относится и угроза «исламского экстремизма» в России. Ислам как религия не может быть экстремистской. Другое дело — распространение радикализма среди мусульманского населения, особенно молодежи, ставка сепаратистов на фанатичное использование ислама для оправдания экстремизма и терроризма. Но здесь причины распространения этих идей среди определенной части мусульман кроются уже не в исламе, а в бóльшей мере в условиях жизни последователей этой религии в том или ином регионе страны. Исследования показывают, что именно среди мусульманской молодежи высокая безработица, низкий уровень жизни, у них большие трудности в адаптации к современным реалиям, в том числе и из-за патерналистских мусульманских традиций; мусульманское население и патриархально воспитываемая исламская молодежь болезненнее, чем последователи других религий переживает кризис традиционных ценностей и образа жизни.

Серьезной критики заслуживает и миф, распространяемый рядом идеологов, преимущественно зарубежных (С.Хантингтон и др.), о неизбежности в современной России тотального противостояния, конфронтации разных типов культуры, связанных с христианством и исламом. В этой связи важно разъяснить, что евразийская Россия изначально — даже своими географическими особенностями, в частности чересполосицей мест проживания больших общностей православных и

мусульман - обречена на то, чтобы избежать любого противостояния по конфессиональному признаку.

В пользу этого тезиса говорит и то, что здесь имеются вековые традиции толерантного сосуществования при сохранении самобытности этноконфессиональных культур. У мусульман России эта традиция во многом заимствована от Золотой Орды, при которой русская православная церковь не платила подати, имела право осуществлять судебные функции над своими людьми, пользовалась свободой при избрании на духовные должности. В свою очередь у православной России также в активе многие традиции не только толерантного сосуществования, но и поддержки иноплеменного и иноверного населения.

Особо следует подчеркнуть необходимость обращения к историческому опыту взаимодействия православия и ислама в российском государстве, общей воинской славе, взаимопомощи и отстаивании единых общегосударственных интересов. Следует задействовать беседы с прихожанами и уроки в религиозных школах на локальном уровне, потенциал СМИ и конференций, циклов передач по телевидению на общегосударственном, иные каналы (образовательные, национальные, идеологические) конструирования атмосферы миролюбия и толерантности, обращаться к примерам, наглядно свидетельствующим о единстве исторической судьбы, что и конструирует общую идентичность.

В качестве наглядного примера можно привести традиции боевого братства православных и мусульманских народов России.

Союз русского народа с тюркскими и кавказскими мусульманами способствовал его успешному противостоянию многовековому военно-политическому давлению Запада. Начиная с событий Раковорской битвы 1268 года между немецко-датскими рыцарями и новгородской ратью, в составе которой находились 2 тыс. ордынских всадников, и кончая Первой мировой войной 1914 – 1918 годов, во всех сражениях, которые Россия вела

на Западе, в составе русских войск всегда имелись особые военные формирования из представителей мусульманских народов.

Опыт создания национальных кавалерийских частей был использован во время Великой Отечественной войны. На ее фронтах успешно воевала Башкирская кавалерийская дивизия. В 1941-1945 годы Духовное управление Мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) развернуло активную патриотическую деятельность, в частности, сбор средств на нужды фронта. Только прихожане Московской соборной мечети на создание танковой колонны собрали 55 тыс. рублей наличными и 20 тыс. облигациями, за что в марте 1943 года были удостоены благодарственной телеграммы от Верховного Главнокомандующего.

Распространенные среди части населения экстремистские настроения получают подпитку в призывах создания в пределах нашего общества неких государственных образований с преимуществами для одной религии - будь то православная Россия или мусульманский регион. Четкая оценка подобных проектов как неприемлимых обусловлена тем, что равноправное и свободное развитие этноконфессионального своеобразия всех народов, связавших свою историческую судьбу с Россией, - залог сохранения самой уникальной российской цивилизации. Ее специфика требует осмотрительности даже при любом обсуждении, а, тем более, при выработке идеологии, затрагивающей интересы этноконфессиональных общностей.

Используя на практике гуманистический потенциал традиционных российских конфессий в создании атмосферы толерантности и миролюбия в России, следует четко осознавать, что многое зависит:

- от взвешенного деликатного тона устных и печатных выступлений религиозных деятелей (также как и публицистов и политиков), например: отождествление общечеловеческих нравственных ценностей с библейскими

абстрагируется от того, что они совпадают также, например, с буддистскими или исламскими нормами, которые дороги для 20% населения России);

- от степени и формы сотрудничества или соперничества самих религиозных деятелей различных конфессий. Известно, что в некоторых вероучительных текстах и традициях религий наряду с гуманистическими общечеловеческими ценностями зафиксированы отдельные положения, отражающие этноконфессиональные противоречия и конфликты прошлых эпох, и на какие положения духовные наставники будут опираться сегодня важно для распространения толерантных принципов культуры взаимоотношений людей разных конфессий и национальностей;

- от характера освещения истории взаимоотношения общностей в России, например, славян и тюрков, православных и мусульман, избегая при этом одностороннего выпячивания прошлых и нынешних взаимных обид и объективно раскрывая то хорошее, что было в их отношениях, чем они обязаны друг другу, какие заимствования были осуществлены в области государственной организации, политической культуры, навыках хозяйствования, торговли, во всем взаимообогащающем диалоге культур;

- от понимания важности многостороннего сотрудничества сообществ с различными религиозными идентичностями, культурными кодами, которое достигается реальным и массовым, а не верхушечным, как правило, лишь широко декларируемым диалогом, отказе от деления культур на развитые и отсталые, а религий – на истинные и неистинные, неполноценные.

Подобные меры способны привести к фактическому утверждению в сознании людей, как и во всей государственно-правовой сфере, концепции единого российского народа, слагаемого из всех его равноправных этноконфессиональных общностей.

III. РОЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ И РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ

Культурно-нравственные нормы представляют собой ценностный каркас любого общества, одним из оснований которого является религиозная традиция. Не случайно, это сфера всегда была и объектом пристального внимания различных религиозных организаций, и залогом социальной стабильности. Именно поэтому, потенциал амортизации нормативной регуляции в России сегодня, во многом представляемым и религиозной традицией как наиболее устойчивым социальным механизмом, необходимо задействовать в формировании антитеррористической идеологии. Во многом отсутствие внятной системы ценностей, объединяющих идей, противоречия между патриархальными нормами в традиционных обществах и навязываемых глобализацией потребительско-гедонистических ценностей, является тем идеологическим резервуаром, из которого произрастают террористические идеологии. Внедрение стандартов потребительского общества, не имеющих укорененности в национальных культурах, требует и создания нового человека – потребителя, не ограниченного традиционными ценностными рамками.

Навязывание народам России стереотипов поведения, разрушение духовных основ российской цивилизации, дискредитация традиционно нравственных норм при параллельной дискредитации отечественной истории и культуры в средствах массовой культуры, традиционных российских религий выступает как своего рода религиозный экстремизм, порождающий ответные действия. Как следствие все это распространяется через различные информационные источники, такие как агрессивная реклама, масскультура, свободная демонстрация и распространение материалов, оскорбляющих религиозные чувства верующих, распространение алкоголизма и наркомании.

Особое беспокойство вызывает дискредитация института семьи, являющейся как основной структурной единицей общества, так и объектом пристального традиционного внимания религий. Прямым следствием ослабления института семьи является – расшатывание и деформация традиционных ценностной структуры и прерывание передачи коллективного наследия от поколения к поколению. Подобная ситуация порождает питательную среду как для циркуляции и популярности экстремистских идеологических течений, так и для размножения потенциальных носителей подобных умонастроений и активных участников.

При этом наиболее чувствительно воспринимают данную ситуацию люди, позиционирующие себя как последователи религии большинства – православные и мусульмане. Это можно объяснить тем, что социально-экономические проблемы, связанные с резким ухудшением материального положения значительной части населения, гнет нерешенных социальных проблем, оттесняют на второй план собственно религиозно-экстремистскую деятельность как таковую. Вместе с тем именно явления деструктивного характера, проявившиеся в духовно-нравственной сфере, вызывают наиболее негативное отношение населения: на первый план здесь выходят те из них, которые вероучения всех традиционных российских религий относят к наиболее греховным и в светской традиции рассматривают как наиболее разрушительные (алкоголизм, наркомания, сексуальная распущенность).

В особую группу следует отнести молодежь, у которой еще нет четко сформированного мировоззрения, и она легко поддается манипуляциям. С учетом неблагоприятных социальных условий, распространением невежества, отсутствия просветительской работы шансы увлечения молодежью экстремистскими и террористическими псевдоидеалами неимоверно возрастают. Именно на эту группу следует обратить повышенное внимание религиозным организациям при проведении превентивных и профилактических мероприятий, необходимых для формирования идейного

поля, опирающегося на конструктивное ценностное основание. Поэтому ювенальная политика религиозных организаций, способная избавить российское общество от «нормативной аномии» может рассматриваться как приоритет при создании атмосферы неприятия терроризма.

Молодежный потенциал можно и нужно задействовать в миссионерских целях: содействуя молодежным проектам, организациям, инициативам, причем не обязательно напрямую касающихся церковной деятельности. Это могут быть дискуссионные группы, например, для обсуждения современных социальных или культурных явлений, или социальные проекты.

Подобные инициативы РПЦ напрямую направлены на создание атмосферы неприятия террористической идеологии и воссоздания традиционной культурно-нормативной среды, снижающей возможности распространения и увлечения террористическими лозунгами.

Разрушение ценностного поля России, религиозный бум 90 гг. открыл дорогу различным религиозным новообразованиям, несвойственным традиционному российскому полю и являющимися социально опасными в рассматриваемом контексте, поскольку они применяют нелегитимное насилие в отношении духовной безопасности государства и личности. Деятельность подобных организаций с одной стороны подпитывается коррозией традиционного ценностного поля России, с другой – она сама вызывает его разрушение, удаляя людей «от истины».

Проявления религиозного экстремизма под знаменами исламского фундаментализма, подпадающие по действие УК РФ, фиксируются правоохранительными органами в основном в местах компактного проживания лиц, исповедующих ислам. Несмотря на высокую латентность антисоциальной деятельности новых религиозных движений деструктивного характера, она выявляется практически во всех крупных областных центрах и в больших масштабах. Экспансия на территорию России различных не

свойственных традиционному духовному полю религиозных движений и тенденций привела к интенсивному росту религиозных новообразований, что нарушает сложившийся в стране этноконфессиональный баланс, вызывает межконфессиональные противоречия и недовольства основной части населения. В данных условиях наблюдается диссонанс в деятельности различных политических и социальных институтов, а нередко и уход от новых проблем. Указанная ситуация является благоприятной средой для насаждения идеологии религиозного экстремизма и в дальнейшем может привести к использованию методов насилия и террора в межрелигиозных отношениях.

Абсолютное большинство приверженцев исторически существующих в России религий лишь в незначительной мере может быть восприимчивым к миссионерскому воздействию как иностранных проповедников, так и представителей новых религиозных движений деструктивного характера. Однако далеко не для всех верующих характерны достаточное знание вероучения своей религии, мировоззренческая четкость и непротиворечивость воззрений. Данная ситуация играет весьма отрицательную роль в ходе противостояния институционализированных российских религий религиозной экстремистской деятельности.

Основные угрозы деятельности религиозных организаций деструктивного характера: разрушение традиционных морально-этических норм, раскол общества на «своих» и «чужих», тотальное подавление личности и подчинение ее интересам религиозных лидеров, возбуждение религиозной и национальной вражды, ставка на насильственные методы решения проблем, демонстрируют, что террористические (экстремистские) методы могут инкорпорироваться в социальную и идейную ткани общества, способствуя размыванию духовной безопасности общества.

Традиционные религии России обладают значительным потенциалом по защите общества от псевдорелигиозных течений. Деятельность религиозных организаций России, связанная с сохранением национальной идентичности, традиций и ценностей народа, сопровождается активным неприятием не только экстремистских действий, но и не свойственных ни православия, ни исламу, ни одной из традиционных конфессий установок общества потребления, индивидуалистических, сугубо утилитарных, прагматических ориентаций. Русское православие, например, всемерно противопоставляет последним традиционные российские духовные ценности, в том числе коллективистские, соборные начала, выступает защитником национальной культуры, истории.

Аналогичные позиции у духовных руководителей мусульман, буддистов, других традиционных конфессий России, решительно отвергающих экстремистские действия, как и распространившиеся сегодня другие пороки.

IV. МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАДИЦИОННЫХ КОНФЕССИЙ ПО СОЗДАНИЮ АТМОСФЕРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Идеи толерантности и миролюбия должны дополняться готовностью к плодотворному взаимодействию в системе «религия – общество – государство». Публичная общественная поддержка конституционных принципов свободы совести и вероисповедания, а также светскости государства представляется необходимым элементом антитеррористической идеологии. Нельзя забывать, что основная масса россиян далеко не религиозны, а взаимоотношения между государством и религией осуществляется посредством двух основополагающих принципов. Во многом террористическая идеология направлена и против этих двух основополагающих демократических принципов.

Поэтому во многом, принцип *светского* государства, а также Свободы совести как неотчуждаемого права должен быть точкой консенсуса представителей социальных слоев, а также приверженцев различных конфессий, вокруг которого можно выстраивать идейное противодействие террористической идеологии, например созданию «Великого Халифата» или подобным. Налицо также тенденции, когда религиозные организации стремятся оказывать влияние на политические процессы в Российском обществе, по некоторым вопросам даже подменяя общественные и государственные институты. Можно зафиксировать моменты, когда религиозные объединения постепенно превращаются из социальных институтов в социально-политические и зачастую становятся полноценными субъектами политики в российском государстве (отдельные населенные пункты живут по исламскому праву, священники посредством своих прихожан оказывают влияние на избирательные кампании, религиозными организациями выстраиваются мощные финансовые структуры, интегрированные в политические процессы). Нерешенность проблемы в политическом пространстве современной России соотношения светского/религиозного и границ их применимости приводит к отсутствию адекватной политики противодействия идеологии религиозного экстремизма и терроризма. Во многом это отражается, приобретая смысловую и символическую нагруженность, в освещении в СМИ, приписывающих то или иное значение и толкование различным факторам и явлениям. Поэтому налицо *проблема выстраивания адекватных государственно-конфессиональных отношений.*

Базовой для возможности использования в создании антитеррористической идеологии форм взаимодействия государственных и религиозных институтов является проблема формирования оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений, учитывающей как основополагающие принципы свободы совести, так и исторические традиции

России и современные российские реалии. Так, большинство представителей традиционных российских конфессий и неверующие поддерживают сепарационную модель государственно-конфессиональных отношений, которая предусматривает контакты государственных и религиозных институтов по отдельным конкретным вопросам при общей равноудаленности государства от всех религиозных организаций. Однако сторонники кооперационной модели государственно-конфессиональных отношений, в том числе – введения института государственной церкви, наделение традиционных религиозных организаций расширенной правосубъектностью, заключение соглашений о социальном партнерстве государственных и религиозных институтов – в заметном числе присутствуют. Это говорит о том, что при поддержке в целом принципа светскости, в общественном сознании прослеживается тенденция учитывать историческую традицию позитивного взаимодействия доминирующих религий и государственных структур.

Суть проблемы реализации принципа светскости заключается в адекватном определении места и роли религии и религиозных институтов в правовом светском государстве. Ст. 14 Основного закона Российской Федерации (Конституция РФ 1993 г.)¹⁵ определяет что, во-первых, Российская Федерация – это светское государство, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной и, во-вторых, религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Отношения государства и религиозных объединений должны рассматриваться как производные от конституционных принципов, декларирующих в качестве правовой основы: свободу совести каждому (ст.28), светскость государства и равенство религиозных объединений перед законом (ст.14), равенство прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 19) и ряда других принципов, работающих только во взаимной связи.

В настоящее время закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁶, принятый в 1997 году, является основным нормативным актом в сфере регулирования религиозных вопросов и регламентации правового положения религиозных организаций. Предоставляя гражданам право на свободу вероисповедания, государство последовательно, развивая конституционные принципы, реализовывает принцип светскости государства и отделения от него религиозных объединений.

Современная, светская по своему характеру концепция прав человека¹⁷, может также стать одним из источников формирования антитеррористической идеологии, в том числе и преломляемая религиозными организациями. Так, например, Свобода мысли, совести и вероисповедания является одной из основ демократического общества и защищена Статьей 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Эта свобода - один из наиболее важных элементов, связанных с индивидуальностью верующих и их пониманием жизни. Гарантируя эту свободу, Статья 9, тем не менее, при определенных условиях допускает ограничение её выражения. Вопрос религиозных символов в публичной сфере, особенно в системе образования, рассматривался Европейским судом по правам человека. Ввиду относительной нехватки консенсуса среди государств - членов Совета Европы в том, что касается религии, Суд имел тенденцию предоставлять государствам значительную - хотя не безграничную - «степень допустимого отклонения» (т.е. свободу выбора) в данной области.

Здесь нашло выражение противоречие, которое во многом является источником террористической идеологии: противоречие между моралью, правом, свободой и справедливостью, разрешение которого возможно только в процессе диалога, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия. Необходимо признать, что вопрос о цели и смысле института прав человека в современном мире, гуманистическое переосмысление его ценностных

оснований, приводит к выводу о том, что свобода не может быть целью самой по себе, иначе необходимо также признать и ее крайние проявления, вплоть до экстремистских¹⁸.

Русская Православная Церковь обращает внимание на это противоречие: «С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа»¹⁹. В цитируемом церковном документе отражено как раз такое понимание иерархии ценностей, согласно которому концепция прав человека воспринимается в качестве эффективного инструмента защиты достоинства каждой человеческой личности только в том случае, если свобода выбора не становится инструментом злоупотреблений. Именно этот важный смысловой компонент концепции прав человека может быть использован в качестве компонента антитеррористической идеологии. Сфера прав человека и соответствующих документов секулярна в смысле своей идеологии и реализуемых подходов, но не может и не должна быть намеренно изолируема от воздействия традиционных нравственных подходов, которые присущи религиозному мировоззрению.

В данном контексте можно использовать в качестве идеологического и практического инструмента диалоговые стратегии. Можно говорить о реализации диалога религии и светского общества, а также межрелигиозного диалога – в ходе которого вырабатываются основные принципы и механизмы взаимодействия. Значимость именно межрелигиозного диалога как

противовеса террористическим идеологиям подчеркивается на международном уровне.

Межрелигиозный диалог как стратегия религиозных организаций осуществляется на национальном уровне с целью выработки наиболее оптимальных практик управления и реализации совместных инициатив, в том числе и законодательных. Так, например, после развала Советского Союза межрелигиозный диалог был востребован уже как инструмент урегулирования межнациональных конфликтов, которые в любой момент могли приобрести религиозную составляющую. Благодаря миротворческим усилиям Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, лидера мусульман Закавказья шейх-уль-ислама Аллахшукюра Паша-заде и католиков Армянской апостольской церкви удалось предотвратить трансформацию Карабахского конфликта в межрелигиозный, а переговоры в Москве, проведенные представителями Русской Православной Церкви и муфтием Чечни Хусейном Алсабековым свели на нет все попытки превратить чеченскую войну в джихад против России.

Главными вехами межрелигиозного диалога в России с точки зрения важности затрагиваемых проблем следует стали международные конференции «Ислам и христианство: на пути к диалогу. К 40-летию принятия Декларации *Nostra Aetate*» (2005), «Ислам и иудаизм: перспективы диалога и сотрудничества» (2006) и Всемирный саммит религиозных лидеров (2006). Подобные диалоговые стратегии, демонстрируя открытость, терпимость, стремление к компромиссу, миролюбию традиционных российских конфессий способны в общественном сознании формировать идейные толерантные альтернативы идеологии терроризма.

V. СВЕТСКОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СМИ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Корректное и идеологически-конструктивное освещение в СМИ проблем светскости и религиозности, особенно при отмеченных видеоизменениях последней, во многом является залогом успеха создания альтернативной идейной среды идеологии терроризма. Так, в ходе исследования, через контент-анализ данной проблемы в средствах массовой информации, проведенного кафедрой государственно-конфессиональных отношений РАГС Президента Российской Федерации, было установлено, что в первом полугодии 2009 года на центральном телевидении было показано 47 передач о деструктивных сектах и только 8 раз затрагивались проблемы межконфессиональных и государственно-конфессиональных отношений. Это свидетельствует о неготовности государственной власти в настоящее время вести конструктивный диалог с традиционными конфессиями Российской Федерации по использованию их богатейшего религиозного потенциала в противодействии различным экстремистским течениям религиозного толка и для достижения взаимопонимания между всеми верующими нашего государства.

Осознавая большую значимость СМИ в противодействии проявлениям религиозного экстремизма, главный редактор Интернетпортала «Религия и СМИ» А.В. Щипков заявил: «... Основная задача СМИ заключается в публичном обсуждении проявлений и природы религиозного экстремизма как одной из разновидностей экстремизма как такового и, далее, в объяснении различий между радикальными и традиционными формами религиозности... Одной из возможных форм деятельности СМИ в этой области является подготовка и публикация соответствующих материалов и блоков материалов, для работы над которыми следует привлекать как светских экспертов (религиоведов), так и представителей конфессий.

Журналисты в данном случае должны выполнять роль посредников, донося до широкой аудитории результаты соответствующих дискуссий. Эту роль могут успешно исполнять журналисты, профессионально занимающиеся религиозной тематикой и имеющие опыт в этой области... Нам необходимо завязать постоянные связи между представителями власти, конфессиями и экспертами...»²⁰.

Изучение религиозной темы в СМИ показывает, что журналистам не хватает знаний и компетенции в этих вопросах. Необходимо создать общегосударственную программу подготовки журналистов – религиоведов. Компетентное и корректное освещение религиозной тематики – это вопрос сохранения стабильности в стране, государственной безопасности, поэтому нужен государственный орган, который постоянно мог бы анализировать публикации по религиозной тематике, выявляя и предотвращая на стадии подготовки в них возможные причины разжигания вражды на религиозной почве.

Необходимо обратить внимание на то, что освещение религиозной тематики в прессе, зачастую затрагивает широкий спектр жизни российского общества. Это, как правило, национальные и этноконфессиональные отношения, демографические и миграционные процессы, этнический экстремизм и преступность. Поэтому подача материалов в СМИ должна нести объективный характер, отличаться тактичностью, поскольку любая информация на религиозную тему является формой актуализации и даже пропаганды ксенофобских экстремистских настроений. Журналисты, возможно даже в силу своей некомпетентности, сами того не желая, могут спровоцировать проявления экстремизма в отдельных структурах общества. Поэтому, как справедливо отмечает В. Тишков, важно противодействовать экстремизму через отказ в публичности. На телеэкранах, в печати не должны появляться и цитироваться не только сообщения об активности террористов, но материалы на эту тему должны носить дозированный характер, без

пересказа аргументов и показа, «как это делать»²¹. Необходима грамотная, деликатная, но настойчивая работа со средствами массовой информации. Нужно поставить на поток создание высокопрофессиональных документальных фильмов, передач, статей, круглых столов и конференций, которые бы разоблачали чуждую и враждебную сущность экстремизма и терроризма во всех их проявлениях, в первую очередь религиозно-политического. Пропагандировать различными способами бесперспективность предлагаемого экстремистами пути, их отсталость, ограниченность, убогость, преступность целей, средств и методов деятельности.

С учетом того, что идеологами религиозного экстремизма широко используется пропаганда своих идей, необходимо значительно активизировать контрпропагандистскую работу, повысить качество и количество проводимых в этих целях мероприятий, в том числе:

- через возможности центральных, региональных и местных СМИ шире осуществлять целенаправленные мероприятия по дискредитации деятельности сторонников религиозного экстремизма с использованием материалов судебных процессов, а также расследованных уголовных дел;
- шире использовать возможности влиятельных религиозных авторитетов по воздействию на местное население в субъектах Российской Федерации в целях осуждения экстремистской деятельности, призывать граждан к созданию обстановки нетерпимости к проявлениям политического и религиозного экстремизма, терроризма, межнациональной вражды;
- с использованием возможностей проводимых в России и за рубежом научно-практических конференций, семинаров, "круглых столов", а также встреч, проходящих под эгидой международных организаций, продолжать мероприятия по оказанию сдерживающего воздействия на процесс перехода сторонников радикальных фундаменталистских и традиционалистских движений в России на позиции религиозного экстремизма и терроризма.

VI. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННЫХ ПРАКТИК

Для создания идеологической среды неприятия террористической идеологии и конструирования защитного барьера против данной угрозы, очень важным представляется региональный уровень взаимоотношений государства, его институтов и традиционных религиозных организаций. Это помогает не только скоординировать сотрудничества и усилия в сфере создания среды неприятия террористической идеологии, но и демонстрирует реальное сотрудничество конкретных людей, представителей власти и религиозных организаций по такой насущной проблеме

Так, в Элисте в зале заседаний МВД Республики Калмыкии 12 января 2010 г. прошло заседание "круглого стола" по вопросам борьбы с проявлениями религиозного и этнического экстремизма в современном обществе. В работе "круглого стола" кроме официальных лиц приняли участие представители Русской Православной Церкви, мусульманства, буддийской общины Калмыкии. В результате совместного заседания было принято решение о проведении цикла телепередач с участием представителей традиционных религий Калмыкии и сотрудников правоохранительных органов²².

В сентябре 2008 года по инициативе архиепископа Ставропольского Феофана прошел региональный общественный форум «Единство народов против экстремизма». *Целью форума была выработка общей стратегии по созданию среды, в которой проявления экстремизма были бы сведены к минимуму, а, в идеале, изжиты полностью. Была представлена аналитическая информация о вкладе традиционных конфессий России в достижение общественного мира и согласия, рассмотрены материалы, раскрывающие экстремизм, как один из важных факторов, направленных*

на дестабилизацию социально-политической жизни России. Акцент был сделан также на теме, связанной с государственной политикой и безопасностью в регионе. Форум определил и основные задачи, которые необходимо решать для формирования культуры межнационального общения в молодежной среде. Обращаясь к собравшимся, архиепископ Феофан отметил, что «сегодня мы встречаемся с различными проявлениями: от бытовой неприязни — до террористических актов, от кухонных разговоров до псевдонаучных публикаций», «Поэтому так важно понять и осознать, что экстремистским действиям предшествует обработка сознания, — подчеркнул владыка. ... - К сожалению, внешним силам есть на чем играть. Это и стереотипы вражды, существующие в межэтнических отношениях, и экономические противоречия между различными этносами, обостряющиеся в условиях роста миграции, и проблемы собственности на землю, водные и иные ресурсы». Итогом работы стало принятие Обращения к органам власти и управления Северо-Кавказского региона, политическим и религиозным деятелям, общественным организациям, средствам массовой информации²³.

Буддийская традиционная сангха России²⁴ начала сотрудничество с министерством внутренних дел Бурятии по противодействию пропаганде религиозной ненависти, а также намерена проводить профилактическую работу с несовершеннолетними участниками молодежных объединений. Соответствующее соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности подписали 2 апреля (здесь нет года?? МТ) в Бурятии исполняющий обязанности министра МВД по РБ полковник Андрей Муравьев и Шэрээтэ Лама (настоятель) Иволгинского дацана Дагба Очиров (Гунчен-лама). "Сангха России вносит огромный вклад в дело развития мира, мы и до подписания этого важного документа сотрудничали с российскими буддистами в самых разных направлениях

по оздоровлению общества", отметил А.Муравьев. МВД по РБ и сангха будут совместно противодействовать пропаганде религиозной ненависти, нетерпимости и вражды, распространению экстремистских религиозных учений, идеологий и тоталитарных сект, которые наносят вред физическому, духовно-нравственному здоровью. Кроме того, стороны будут проводить совместную профилактическую работу с несовершеннолетними членами молодёжных объединений, в деятельности которых усматриваются признаки экстремизма, а также будут заниматься их социальной адаптацией.

Соглашение предусматривает привлечение представителей сангхи России к подготовке и проведению мероприятий по повышению квалификации сотрудников органов внутренних дел в вопросах противодействия проявлениям религиозной ненависти и вражды, профилактики межрелигиозных и межнациональных конфликтов.

Приведенные примеры демонстрируют важность именно регионального уровня деятельности религиозных организаций в сотрудничестве с органами власти. Поскольку именно на местном и региональных уровнях религиозные организации ближе всего и к пастве, и жителям, более всего осведомлены о проблемах и тяготах, у них больше возможностей для взаимодействия с местными и региональными властями, поэтому они способны принимать наиболее эффективные меры.

Наиболее показательна политическая ситуация в сфере проявления экстремистских действий в Южном и в Северо-Кавказском федеральных округах Российской Федерации (соответственно ЮФО и СКФО). (??? МТ) Политическая обстановка непосредственно реагирует на принятия политических решений органами федеральной власти в сфере противодействия религиозному экстремизму в данных регионах и является оценочной для действий федеральных и региональных властей. Продолжающийся процесс исламизации населения Северного Кавказа

(особенно в радикальных, экстремистских формах) объективно ведет к усилению сепаратистских тенденций, обострению межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений, расширению масштабов применения экстремистских и террористических методов в политической и межконфессиональной борьбе. Особо востребованным и эффективным оказался идеологический посыл ваххабитов по созданию «Великого Халифата»²⁵. (Не понял, что это. Может снять?- МТ) В общественном сознании сложилось мнение, что федеральная и местная власть слаба, так как неэффективно управляет религиозными и социально-экономическими процессами в регионе.

Использование культурно-образовательных каналов является едва ли не самым эффективным средством для осуществления долгосрочной политики достижения радикальных мусульманских целей. Так, получение дополнительного образования (религиозного или светского) для последующего совмещения религиозной деятельности с государственной является возможностью проникновения в поле государственной политики. Здесь необходимо обратить внимание на последствия бесконтрольной многолетней деятельности на Северном Кавказе международных радикальных мусульманских учебно-просветительских центров, а также на стимулирование выезда мусульманской молодежи на обучение за рубеж прежде всего в исламские учебные заведения, где зачастую преподается и распространяется радикальный ислам.

Среди причин роста религиозного терроризма в СКФО, естественно, необходимо указать на неэффективное управление региональными и республиканскими властями политическими и экономическими процессами, государственная коррупция²⁶, и как следствие, значительное падение авторитета местной и федеральной власти среди населения. Отсутствие должного взаимодействия и координации между региональными и федеральными структурами государственной власти, призванными бороться

с нарушениями в области религиозных отношений, так же приводит к эскалации проявлений религиозного экстремизма в регионе.

Именно эффективное управление со стороны региональных властей позволяет держать под контролем ситуацию в сфере деятельности религиозных организаций. Тому свидетельство складывающаяся ситуация в области межконфессиональных отношений в Астраханской области (ЮФО). Несмотря на то, что в данном субъекте Российской Федерации наиболее поликонфессиональный состав в ЮФО и во всей Российской Федерации, в нем также имеется много неразрешенных экономических проблем и самый высокий рост нелегальной миграции, региональные власти очень серьезно реализуют программу по противодействию религиозному экстремизму. Так, при губернаторе создан совет из представителей традиционных конфессий, ведется постоянный диалог со всеми религиозными объединениями, что приводит к позитивному политическому эффекту. Региональная законодательная власть своевременно и адекватно реагирует на проявления религиозного экстремизма²⁷.

На основе экспертного мониторинга, анализа исторических и культурно-цивилизационных особенностей взаимодействия власти и религии в каждом из рассматриваемых регионов, Комиссия по культуре и образованию Конгресса местных и региональных властей Совета Европы выработала двенадцать принципов политических практик межкультурного и межрелигиозного диалога на местном уровне²⁸. **Основополагающим управленческим принципом межрелигиозного взаимодействия является знание и правильное понимание религиозной ситуации на местном уровне:** осознание важности роли религии в процессе формирования индивидуальной и коллективной идентичности и влияния, которое она оказывает на социализацию личности, формирование социальных представлений и мировоззрение в целом; информационная осведомленность о численности религиозных групп, представленных на местном уровне, их

организационной структуре, возможных внутренних конфликтах и противоречиях, характере деятельности и проводимых мероприятиях. **Прежде всего, религия должна рассматриваться не как проблемный фактор, а как ресурс эффективного социально-политического развития.** В компетенцию местных властей входит обеспечение взаимопознания акторов межрелигиозного диалога: своевременное выявление различий и противоречий, возникающих в ходе межкультурного взаимодействия и способных стать причиной конфликтной ситуации; организация подходящих и доступных пространств для межкультурного взаимодействия, а также мероприятий, целью которых является межличностная коммуникация, снижение чувства ненависти между представителями различных культурно-религиозных групп. В контексте взаимодействия властных и гражданских структур в рамках реализации стратегии межкультурного диалога на локальном уровне перед местными властями стоит важная задача создания базы для партнерского диалогового сотрудничества: поддержка деятельности религиозных организаций на принципах уважения и равенства, религиозного нейтралитета, открытости и инновационности, - с целью найти правильный баланс между безразличием и вмешательством, занять роль посредника в процессе межкультурного взаимодействия локальных групп.

Важно отметить, что межрелигиозный диалог, в силу специфики самого феномена религии, пронизывает различные сферы общественного бытия, а, следовательно, и публичная политика местных властей не должна замыкаться лишь на религиозном уровне, направляя свои усилия на образовательную, урбанистическую, социальную и другие сферы. Совместно с местными религиозными сообществами, а также на основе обмена опытом с местными властями других регионов, местные власти должны выработать операциональные критерии оценки своей деятельности. Подобные коллективные действия способны стать базой для консолидации

общественного сознания вокруг ценностей, способных служить основанием антитеррористической идеологии.

ВЫВОДЫ

Условиями деятельности традиционных российских религий, направленные для пресечения распространения терроризма и экстремизма в России и прежде всего на Кавказе являются:

1. Использование в качестве идейно-ценностной доминанты при создании антитеррористической идеологии идеи уникальности российской цивилизации как поликонфессиональной, имеющей уникальный опыт сосуществования различных конфессий, основным принципом которого является мирное сотрудничество и толерантность.
2. Осознание единства культурного и смыслового поля, единства исторической судьбы, принадлежности к единой государственной традиции в такой многоконфессиональной стране как Россия, выявление общих ценностных регуляторов, точек соприкосновения последователей различных вероисповедных традиций может служить исходным пунктом преодоления экстремистских тенденций в обществе.
3. Использование примеров российской истории, действующих не только на рациональные, но и на эмоциональные сферы общественного сознания, воспроизводящие лучшие традиции совместного проживания всех конфессий в различных областях жизни.
4. Деятельность традиционных религиозных организаций по достижению межконфессионального согласия, в особенности, включая взаимодействие именно на региональном уровне, где

наиболее близко представители конфессий соприкасаются с населением и с различными общественными институтами.

5. Использование гуманитарных рычагов с опорой на объединяющие моменты культуры и искусства в деятельности религиозных организаций, способных быть воспринятыми и неверующей частью общества, и представителями различных вероисповедных традиций
6. Создание современной светской по своему характеру концепции прав человека, учитывающей многовековой опыт сосуществования институализированных религий, где индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи.
7. основополагающим управленческим принципом межрелигиозного взаимодействия является знание и правильное понимание религиозной ситуации именно на местном уровне. Религия должна рассматриваться не как проблемный фактор, а как ресурс эффективного социально-политического развития.
8. Внедрение потребительских ценностей, размывание традиционной нормативной среды как источник идеологии терроризма требует воссоздания с помощью религиозных организаций традиционной духовно-нравственной регуляции, а также противодействия традиционных конфессий религиозным деструктивным течениям.
9. Реализация комплекса мер, способных привести к фактическому утверждению в сознании людей, как и во всей государственно-правовой сфере, концепции единого российского народа, слагаемого из всех его равноправных этноконфессиональных общностей на основе общегражданской идентичности

10. Осуществление этого комплекса мер предполагает:
- 10.1 Адекватные государственно-конфессиональные отношения.
- 10.2. Поддержка принципа светскости с опорой на институционализованные религии.
- 10.3. Патриотизм традиционных российских религий.
- 10.4. Выработка диалоговых стратегий традиционных российских конфессий с различными политическими институтами.
- 10.5. Корректное и идеологически-конструктивное освещение в СМИ проблем светскости и религиозности, особенно при отмеченных видоизменениях последней, во многом является залогом успеха создания альтернативной идейной среды идеологии терроризма.
- 10.6. Сотрудничество религиозных организаций в сфере культуры и воспитании молодежи.
- 10.7. Аккуратное использование канонических норм в регуляции определенных областей бытовой жизни.
- 10.8. Религиозные традиции - потенциал амортизации экстремистских настроений

ЛИТЕРАТУРА:

-
- ¹ Российская повседневность в условиях кризиса/ под.ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М. 2009. С.130-136.
- ² European Social Survey (ESS) - режим доступа: ess/europeansocialsurvey.org, ess.ru/fileadmin/templates/doc/analytical_report/pdf
- ³ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии. – 2000.
- ⁴ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. Ярославль: ДИА-пресс, 2001.
- ⁵ См.: Основы социальной концепции иудаизма в России. М.: КЕРООР, 2002. – 84 с.
- ⁶ См.: «Основы социальной концепции Российского объединенного Союза христиан веры евангельской». М.: «Эхад Инк». – 2002.
- ⁷ См.: Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в России. М.: 2003. – 224 с.
- ⁸ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии. – 2000. – С. 93.
- ⁹ См.: Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. Ярославль: ДИА-пресс, 2001. – С. 35–37.
- ¹⁰ Основы социальной концепции иудаизма в России. М.: КЕРООР, 2002. – С. 65–66.

-
- ¹¹ Социальная позиция протестантских церквей России. М.: 2003. – С. 17.
- ¹² Заявление Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о противодействии экстремизму и терроризму <http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page0567.html>
- ¹³ <http://www.islamdag.ru/ljeideologii/312>
- ¹⁴ См.: Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал. А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. – Сер.: Политология. – 2003, № 4, С. 84-85.
- ¹⁵ См.: Сборник законодательства РФ, 2009, № 4, ст. 445.
- ¹⁶ См.: Сборник законодательства РФ, 1997, № 39, ст. 4465.
- ¹⁷ Как государственное, политико-правовое формирование, режим прав человека должен иметь светский характер, что в определенной мере объясняет, почему подписанная главами государств Конституция ЕС не адресуется к христианским ценностям.
- ¹⁸ Доклад Монсеньора Джампаоло Крепальди, Секретаря Папского совета «Справедливость и Мир», на семинаре «Эволюция моральных принципов и прав человека в поликультурном обществе» (Совет Европы, 30 октября 2006 г.) // http://www.strasbourg-geor.org/modules.php?name=News&new_topic=42&file=article&sid=407
- ¹⁹ п. III.5. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 26.06.2008. / <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html>
- ²⁰ См.: Щипков А.В. Роль СМИ в формировании толерантности и предотвращении межрелигиозных конфликтов. 22.10.2003 // «Религия и СМИ», www.religare.ru, 23 октября 2003.
- ²¹ См.: Емельяненко В. Москва разыгрывает этническую карту/ интервью с Тишковым В. // Известия. 17.06.2002, № 102, С.9.
- ²² <http://www.pravoslavie.ru/news/20327.htm>
- ²³ <http://www.patriarchia.ru/db/text/473483.html>
- ²⁴ Буддийская сангха России независима по отношению к другим буддийским общинам. Ее официальным главой является Пандито Хамбо-лама Дамба Аюшеев, резиденция которого находится в Иволгинском дацане недалеко от столицы Бурятии Улан-Удэ
- ²⁵ См.: На пути к московскому Халифату. Арабские наемники в Чечне / <http://www.agentura.ru/dossier/izrail/people/falkov/mos/>
- ²⁶ См.: Володина Н.В. Причины возникновения и механизмы финансирования религиозного экстремизма в современной России // Отв.ред. В.В.Витко, А.А. Красиков. Актуальные проблемы реализации принципов свободы совести в современной России. - Заокский, 2009, С. 158.
- ²⁷ См.: Постановление главы администрации Астраханской области от 28 июня 2001 г. N 328 "Об упорядочении деятельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий на территории Астраханской области" // Астраханские известия от 12 июля 2001 г. N 28; Постановление Мэра г. Астрахани от 6 февраля 1997 г. N 394-м "Об упорядочении деятельности иногородних и иностранных религиозных миссий в городе Астрахани" // Горожанин. 1997. N 8.
- ²⁸ Skard, H., Palard, J., Woerling, J.M., Husson, J.F., Mahiels, J., Gaudin, P., Burchianti, F., Itçaina, X., Tietze, N., Anwar, A., Chivers, C., Pearce, B., Moniak-Azzopardi, A. Des dieux dans la ville - Le dialogue interculturel et interreligieux au niveau local. - Strasbourg : Ed. du Conseil de l'Europe, 2008. p. 239-242